

Роман с контрабасом — эпизод 2 из 2

Я подожду, пока стемнеет; тогда, в темноте, я дойду до тетки Агафьи и пошлю ее домой за платьем... А пока пойду спрячусь под мостик.

Моя героиня, выбирая траву повыше и нагибаясь, побежала к мостику.

Пролезая под мостик, она увидела там нагого человека с музыкальной гривой и волосатой грудью, вскрикнула и лишилась чувств.

Смычков тоже испугался. Сначала он принял девушку за наяду.

Не речная ли это сирена, пришедшая увлечь меня? подумал он, и это предположение польстило ему, так как он всегда был высокого мнения о своей наружности. Если же она не сирена, а человек, то как объяснить это странное видоизменение? Зачем она здесь, под мостом? И что с ней?

Пока он решал эти вопросы, красавица приходила в себя.

Не убивайте меня! прошептала она. Я княжна Бибулова. Умоляю вас! Вам дадут много денег! Сейчас я отцепляла в воде крючок и какие-то воры украли мое новое платье, ботинки и всё!

Сударыня! сказал Смычков умоляющим голосом. И у меня также украли мое платье. К тому же они вместе с брюками утащили и находившийся в них канифоль!

Все играющие на контрабасах и тромбонах обыкновенно ненаходчивы; Смычков же был приятным исключением.

Сударыня! сказал он немного погодя. Вас, я вижу, смущает мой вид. Но, согласитесь, мне нельзя уйти отсюда, на тех же основаниях, как и вам. Я вот что придумал: не угодно ли вам будет лечь в футляр моего контрабаса и укрыться крышкой? Это скроет меня от вас...

Сказавши это, Смычков вытащил из футляра контрабас. Минуту казалось ему, что он, уступая футляр, профанирует святое искусство, но колебание было непродолжительно. Красавица легла в футляр и свернулась калачиком, а он затянул ремни и стал радоваться, что природа одарила его таким умом. Теперь, сударыня, вы меня не видите, сказал он. Лежите здесь и будьте покойны. Когда станет темно, я отнесу вас в дом ваших родителей. За контрабасом же я могу прийти сюда и потом.

С наступлением потемок Смычков взвалил на плечи футляр с красавицей и поплелся к даче Бибулова. План у него был такой: сначала он дойдет до первой избы и обзаведется одеждой, потом пойдет далее...

Нет худа без добра... думал он, взбудораживая пыль босыми ногами и сгибаясь под ношей. За то теплое участие, которое я принял в судьбе княжны, Бибулов

наверно щедро наградит меня.

Сударыня, удобно ли вам? спрашивал он тоном cavalier galant¹, приглашающего на кадрили. Будьте любезны, не церемоньтесь и располагайтесь в моем футляре, как у себя дома!

Вдруг галантному Смычкову показалось, что впереди его, окутанные темнотою, идут две человеческие фигуры. Вглядевшись пристальней, он убедился, что это не оптический обман: фигуры действительно шли и даже несли в руках какие-то узлы...

Не воры ли это? мелькнуло у него в голове. Они что-то несут! Вероятно, это наше платье!

Смычков положил у дороги футляр и погнался за фигурами.

Стой! закричал он. Стой! Держи!

Фигуры оглянулись и, заметив погоню, стали улепетывать... Княжна еще долго слышала быстрые шаги и крики Стой! Наконец всё смолкло.

Смычков увлекся погоней, и, вероятно, красавице пришлось бы еще долго пролежать в поле у дороги, если бы не счастливая игра случая. Случилось, что в ту пору по той же дороге проходили на дачу Бибулова товарищи Смыčkова, флейта Жучков и кларнет Размахайкин. Споткнувшись о футляр, оба они удивленно переглянулись и развели руками.

Контрабас! сказал Жучков. Ба, да это контрабас нашего Смыčkова! Но как он сюда попал?

Вероятно, что-нибудь случилось со Смычковым, решил Размахайкин. Или он напился, или же его ограбили... Во всяком случае, оставлять здесь контрабас не годится. Возьмем его с собой.

Жучков взвалил себе на спину футляр, и музыканты пошли дальше.

Чёрт знает какая тяжесть! ворчал всю дорогу флейта. Ни за что на свете не согласился бы играть на таком идолище... Уф!

Придя на дачу к князю Бибулову, музыканты положили футляр на месте, отведенном для оркестра, и пошли к буфету.

В это время на даче уже зажигали люстры и бра. Жених, надворный советник Лакеич, красивый и симпатичный чиновник ведомства путей сообщения, стоял посреди залы и, заложив руки в карманы, беседовал с графом Шпаликовым. Говорили о музыке.

Я, граф, говорил Лакеич, в Неаполе был лично знаком с одним скрипачом, который творил буквально чудеса. Вы не поверите! На контрабасе... на обыкновенном контрабасе он выводил такие чертовские трели, что просто ужас! Штраусовские вальсы играл!

Полноте, это невозможно... усумнился граф.

Уверяю вас! Даже листовскую рапсодию исполнял! Я жил с ним в одном номере и даже, от нечего делать, выучился у него играть на контрабасе

рапсодию Листа.

Рапсодию Листа... Гм!.. вы шутите...

Не верите? засмеялся Лакеич. Так я вам докажу сейчас! Пойдемте в оркестр!

Жених и граф направились к оркестру. Подойдя к контрабасу, они стали быстро развязывать ремни... и о ужас!

Но тут, пока читатель, давший волю своему воображению, рисует исход музыкального спора, обратимся к Смычкову... Бедный музыкант, не догнавши воров и вернувшись к тому месту, где он оставил футляр, не увидел драгоценной ноши. Теряясь в догадках, он несколько раз прошелся назад и вперед по дороге и, не найдя футляра, решил, что он попал не на ту дорогу... Это ужасно! думал он, хватая себя за волосы и леденя. Она задохнется в футляре! Я убийца!

До самой полуночи Смычков ходил по дорогам и искал футляра, но под конец, выбившись из сил, отправился под мостик.

Поищу на рассвете, решил он.

Поиски во время рассвета дали тот же результат, и Смычков решил подождать под мостом ночи...

Я найду ее! бормотал он, снимая цилиндр и хватая себя за волосы. Хотя бы год искать, но я найду ее!

И теперь еще крестьяне, живущие в описанных местах, рассказывают, что ночами около мостика можно видеть какого-то голого человека, обросшего волосами и в цилиндре. Изредка из-под мостика слышится хрипение контрабаса.

учтливового кавалера (франц.).